

Теоретические аспекты определения понятия «латентные преступления»

Значимыми исследователями классического направления в XVIII веке являлись А. Кетли, А. Герри и Э. Фетли [1, с. 6–8]. Уже в те времена развивались и определенные криминологические идеи, которые в последующем в течение длительного времени изучались как составная часть науки уголовного права. Основные идеи классической школы сводились к следующему: человек является носителем свободной воли, а преступление есть результат его свободного выбора; в силу того что лицо, обладая нравственной свободой, избирает зло, оно должно нести наказание за свой выбор; процесс принятия решения о совершении преступления носит исключительно рациональный характер; человек совершает преступление лишь в случае, если считает его полезным для себя, после взвешивания всех за и против; усиливая наказание, общество делает преступления менее привлекательными, что позволяет удерживать людей от их совершения; искусство законодателя и его гуманизм заключаются в том, чтобы ужесточение наказания проводилось не по принципу «чем больше, тем лучше», а по принципу «ужесточать лишь настолько, чтобы сделать преступление непривлекательным».

Во второй четверти XIX века такими авторами, как Беккария, Говард, Бентам и Фейербах, были проведены статистические исследования, по поводу которых было много критических высказываний, обычно сводившихся к тому, что из поля зрения они упустили личность преступника. В связи с этим Э. Ферри обратил внимание на то, что для криминалистов, судей и законодателей область правосудия содержит в себе три момента: преступление, суд и наказание. Классическая школа не знает преступника, который между тем является началом и

вместе с тем конечной целью деятельности общественной обороны от преступности [2, с. 465].

В последующем криминологические идеи классической школы многократно критиковались, хотя, по нашему мнению, они содержат довольно много верных идей и утверждений, которые в дальнейшем нашли свое подтверждение.

После издания работ Э. Кетле, Э. Ферри, О. Конта и других исследователей статистического направления в XIX веке произошло возникновение российской уголовной статистики. В те времена еще не употреблялось понятие «латентные преступления». Вообще понятие «латентный» используется в различных отраслях знаний, им пользуются для определения явлений и процессов, протекающих скрытно, внешне незаметно [3, с. 393]. Латинское слово «*latentis*» переводится как скрытый, невидимый, внешне непроявляющийся [4, с. 279]. В министерстве внутренних дел и министерстве юстиции стали официально собираться данные уголовной статистики.

В XIX веке после организации в 1834 году в России губернских статистических комитетов появляется ряд интересных исследований по вопросам преступности в той или иной губернии, области или крае в виде «памятных книжек», которые издавались комитетами. Кроме того, учет преступности осуществлялся тюремными органами и министерством государственных имуществ. Приведенные обстоятельства возникновения российской уголовной статистики, по нашему мнению, говорят о том, что государство уже в те времена было озабочено проблемами зарегистрированной, реальной и скрытой от учета, то есть латентной преступности.

Научные исследования преступности, касающиеся криминологической проблематики, начались в России в рамках науки уголовное право во второй половине XIX века. Для российской криминологии с самого начала было характерно преобладание социологического подхода, преимущественно на основе теории факторов. М.В. Духовской, П.И. Люблинский,

Е.Н. Тарновский, Н.С. Таганцев [5, с. 61], И.Я. Фойницкий [6, с. 47] и другие ученые называли множество факторов – от времен года до алкоголизма, хлебных цен и неурожаев, влияющих на распространение преступности. Опираясь на статистические данные и приемы статистического анализа, они стремились определить степень влияния отдельных факторов на совершение различных преступлений. При этом все факторы подразделялись на физические (космические), общественные и личные. Отмечалось особое значение общественных факторов [7, с. 282–287]. Объяснение преступности лишь на уровне ее статистической, то есть количественной зависимости, от различных, в том числе социальных факторов, было, однако, ограниченным, поскольку не раскрывало качественного содержания этой зависимости. Однако оно имело определенное прогрессивное значение.

Видные криминологи М.Н. Гернет, М.М. Исаев, Н.Н. Полянский, А.Н. Трайнин, рассматривая различные факторы преступности, подчеркивали их социальный характер, связь с условиями общественной жизни. Особенно содержательной была работа Гернета «Общественные причины преступности» (1906), в которой: рассматривается развитие криминологических взглядов от социалистов-утопистов до современников; показывается влияние на преступность различных факторов – пола, возраста, расы, семьи и внебрачного происхождения, хлебных цен и жилищных условий, нужды и бедности, алкоголизма и войн и т.д.; объясняется социальным содержанием подобных факторов, теми реальными условиями жизни людей, которые за этими факторами стоят, и что многие из этих факторов находятся в определенной взаимосвязи, характеризуя в своей совокупности социальный характер общества [8, с. 38–203]. Антропологическое направление не получило в русской криминологии заметного распространения. Наиболее известный представитель этого направления Д.А. Дриль в ранней своей работе «Преступный человек» (1882) исходил из того,

что преступность возникает обыкновенно на почве болезненной порочности и исцеляется или медицинским лечением, или благоприятным изменением жизненной обстановки.

В юридической науке одни из первых упоминаний о латентности преступлений встречаются не только в исследованиях Герри, Кетле, Ферри, но и в работах российского исследователя Ф. Захаревича. Причем авторы различных научных направлений предпринимали попытки к исследованию феномена латентности. В юридической науке понятие латентности изучалось и изучается с целью исследования всех сторон преступности, в том числе и ее скрытой, латентной части, которая имела место в действительности, но по тем либо иным причинам оставалась скрытой, латентной.

Наиболее интенсивно проблемы скрытой (латентной) преступности начали исследоваться на территории нашей страны в шестидесятые годы прошлого века. Еще в те годы А.А. Герцензон указывал, что «самым сложным является вопрос о показательности уголовно-статистических данных в связи с существованием так называемой скрытой (латентной) преступности» [9, с. 51].

А.А. Конев отмечает, что в ходе изучения латентной преступности в криминологической науке выделилось два направления: 1) одни стремились глубоко изучить это явление, основной упор делая на познание информационно-отражательной стороны преступлений; 2) другие стремились не столько познать сущностную сторону латентной преступности, сколько установить с позиции уголовного закона, может ли данный феномен быть отнесен к числу преступных деяний [10, с. 82–83]. Первое направление можно назвать «материальным», а второе – «процессуальным». А.А. Конев, как и А.С. Шапочников, Т.К. Щеглова и Г.И. Забрянский, относит преступления к латентным по признакам неизвестности и невыявленности. Однако он относит к латентным и совокупность преступлений, обнаруженных с помощью целенаправленных оперативных и иных

действий компетентных правоохранительных органов, хотя информация о них по каким-либо причинам и не поступила в эти органы [11, с. 139]. В последующем Конев дополнил свое определение и пришел к выводу о том, что «под латентной преступностью... понимается совокупность преступлений с неистекшим сроком давности, реально имевших место и повлекших возникновение уголовно-правовых отношений, но по каким-либо причинам не ставших известными компетентным правоохранительным органам» [12, с. 9].

Представляется, что различие во взглядах на преступность и ее латентную составляющую, а также условное деление этих взглядов на «материальные» и «процессуальные» имеет существенное значение, поскольку упомянутые взгляды предполагают различные направления исследования латентной преступности и определения понятия «латентная преступность».

Часть сторонников «процессуального» направления считает, что латентные преступления не относятся к преступности, поскольку факт преступления официально может быть установлен лишь в момент вступления приговора в законную силу. А.И. Марцев, поддерживая названное направление, отмечает, что хотя совершение преступления и является основанием для возникновения уголовно-правового отношения, тем не менее оно не свидетельствует о реальном возникновении такого отношения. Следовательно «уголовно-правовые отношения могут вообще не возникнуть (например, при латентной преступности)» [13, с. 60].

Мотивация сторонников процессуального направления состоит в том, что уголовно-правовые отношения возникают с момента привлечения лица к уголовной ответственности, когда преступное посягательство уже известно, зарегистрировано, раскрыто и лицо, его совершившее, осуждено.

Сторонники же «материального» направления полагают, что вполне обоснованной представляется точка зрения, согласно которой охранительные уголовные правоотношения

возникают в момент совершения преступления и возникают объективно, независимо от того, знает ли об уголовно-правовом характере сам преступник, а также независимо от того, предпринимались ли компетентными государственными органами какие-либо действия по установлению факта совершения преступления и изобличению виновного. Момент нарушения закона есть момент возникновения обязанности ответить за его нарушение. Это вместе с тем момент возникновения права государства осудить лицо, совершившее преступление, изменить его уголовно-правовой статус в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности [14, с. 123].

Приведенная точка зрения, по нашему мнению, является наиболее верной, поскольку факт невынесения приговора не говорит о том, что преступления не было вовсе. Имеются и другие аргументы.

Как факт, так и время совершения преступления имеют важное криминологическое значение, в том числе для принятия мер, направленных на борьбу и предупреждение (профилактику) преступности. При этом не имеет значения то, что преступление осталось скрытым, поскольку сам факт его совершения говорит о том, что в связи с его совершением государство должно принимать меры по его установлению, регистрации и привлечению виновных к уголовной ответственности. Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что латентная преступность существует, как должно существовать и понятие «латентная преступность».

У ученых-криминологов также отсутствует единое понимание понятия латентной преступности. В связи с тем что субъектами получения информации о преступности являются правоохранительные органы, латентность преступлений связывалась с неизвестностью таких деяний этим органам. Так, Г. Булатов и Н. Майоров определяют латентную преступность как «совокупность преступлений, оставшихся невыявленными, неизвестными органам милиции, прокуратуры и судам»

[15, с. 59], а А.С. Шляпочников и Г.И. Забрянский – как совокупность уголовно наказуемых деяний, не обнаруженных правоохранительными органами. К числу таковых они относят суд, прокуратуру, органы МВД [16, с. 99].

Поскольку у сторонников «материального» направления нет единого понимания латентной преступности, у них выделились «узкое» и «широкое» толкование содержательной стороны латентной преступности.

Сторонники «узкого» подхода к определению данного явления включают в его содержание только совокупность преступлений, не вошедших в систему государственного статистического учета. Данная позиция нашла отражение в Программе по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы. Этот документ определяет латентную преступность как «условное понятие, принятое для обозначения той части реальной преступности, которая по разным причинам не подверглась статистическому учету» [17, с. 43].

Сторонники «широкого» понимания данного понятия, учитывая необходимость обеспечения неотвратимости уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, в состав латентной преступности, помимо незарегистрированных преступлений, включают зарегистрированные, но не раскрытые преступления. В связи с этим М.И. Ковалев полагает, что к латентности следует отнести не только преступления, не ставшие известными органам правосудия, но и деяния, о которых органам правосудия известно, но не удалось установить или разыскать виновного» [18, с. 122].

Р.М. Акутаев в связи с этим находит, что недостаточно рассматривать латентную преступность лишь как совокупность неизвестных и неучтенных преступлений. Очевидно, она имеет и субъектную сторону, выражающуюся в латентности лиц, совершивших преступления. Поэтому он считает обоснованным и солидарен с мнением о том, что «преступление может выйти из ряда латентных лишь после привлечения лица, виновного

в его совершении, к установленной законом ответственности. Очевидно, с позиций искусственной латентности преступлений сущность латентной преступности заключается не в том, что определенная часть деяний не выявлена и не учтена, а в том, что лица, их совершившие, остались безнаказанны» [19, с. 86].

Акутаев также считает, что криминологический аспект латентной преступности, если его рассматривать несколько шире, чем это традиционно было принято, и не ограничивать его содержание лишь неучтенными уголовно-правовой статистикой преступлениями, включает в себя и криминалистический, и уголовно-процессуальный аспекты, не лишая их относительной самостоятельности применительно к пониманию латентности конкретного преступления, а не преступности в целом [19, с. 53–54].

Аналогичной позиции придерживается И.Н. Даньшин, который отмечает, что «латентная преступность – категория криминологическая. Она охватывает определенную часть преступности, и ее изучение входит в предмет криминологии, а не криминалистики или уголовного процесса» [20, с. 207].

На состоявшемся в 1993 г. Международном научно-практическом семинаре «Латентная преступность: познание, политика, стратегия» было определено, что латентные преступления – это «... деяния, которые не были заявлены или зарегистрированы правоохранительными органами, или деяния, в отношении которых со стороны системы уголовного правосудия не было принято никаких последующих действий» [21, с. 32].

По мнению В.В. Лунева, латентная преступность представляет собой реальную, но скрытую или незарегистрированную часть фактически совершенных преступлений. Фактическая преступность нередко многократно превышает преступность, о которой осведомлена уголовная юстиция, а известная ей преступность – ту ее часть, которая регистрируется и расследуется. Разность между учтенной преступностью и фактической

составляет латентную преступность. Она в некоторых странах, в том числе и в России, превышает зарегистрированную в три-пять раз. По механизму образования латентная преступность распадается на три составные части: незаявленные преступления, неучтенные преступления, неустановленные преступления [22, с. 113].

Исходя из вышеизложенного, автор полагает, что латентные преступления – это часть всех фактически (реально) совершенных преступлений, которые были скрыты преступниками либо о которых не было сообщено потерпевшими, свидетелями или иными лицами ни в один компетентный орган уголовной юстиции, а также которые не были учтены (зарегистрированы) ни в одном компетентном органе уголовной юстиции и, кроме того, те неустановленные деяния, в отношении которых органами уголовной юстиции не было предпринято никаких надлежащих последующих, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством и подзаконными нормативными актами действий.

Список литературы

1. *Бышевский Ю.В., Конев А.А.* Латентная преступность и правосознание. Омск, 1986.
2. Уголовная социология. М., 1908.
3. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. М., 1954.
4. Словарь иностранных слов. М., 1980.
5. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Изд. Второе. Часть Общая. Т. 1. СПб., 1902.
6. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. Часть Общая. СПб., 1901.
7. *Селин Т.* Конфликт норм поведения // Социология преступности. М., 1966.
8. *Гернет М.Н.* Избранные произведения. М., 1984.

9. Герцензон А.А. Основные положения и задачи советской науки уголовной статистики // Проблемы искоренения преступности. М.: Юрид. лит., 1965.

10. Конев А.А. Преступность и проблемы измерения ее реального состояния. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.

11. Конев А.А. Некоторые специфические признаки латентной преступности // Проблемы борьбы с преступностью. Омск, 1977.

12. Конев А.А. Криминологическая характеристика и предупреждение латентной преступности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.

13. Марцев А.И. Уголовная ответственность как средство предупреждения преступности. Омск, 1980.

14. Прохоров В.С., Кропачёв Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск, 1992.

15. Булатов Г., Майоров Н. Показательность данных уголовной статистики // Вестник МГУ. 1969. № 3.

16. Шляпочников А.С, Забрянский Г.И. Выявление латентной преступности // Советское государство и право. 1969. № 5.

17. Федеральная программа РФ по усилению мер борьбы с преступностью на 1994–1995 гг. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 5. Ст. 43.

18. Ковалев М.И. Советское уголовное право. Вып. 1. Свердловск. 1971.

19. Акутаев Р.М. Латентная преступность. Актуальность проблемы и понятие // Государство и право. 1997. № 12.

20. Даньшин И.Н. К вопросу о латентной преступности // Проблемы социалистической законности на современном этапе коммунистического строительства (тезисы докладов республиканской научной конференции). Харьков, 1978.

21. Сборник материалов международного семинара // Латентная преступность: познание, политика, стратегия. М.: ВНИИ МВД РФ, 1993.

22. Лунев В.В. Криминология. Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юрист, 2007.